

Глава VI.

ОТ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ КОМИССИИ К АКАДЕМИИ ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

6.1. После февраля 1917 г.

События февраля привели к изменению политической ситуации в России, крушению российской монархии. На деятельность Археологической комиссии они поначалу не оказали особого влияния [Пескарёва, Рябинин, 1984, с. 306], но, разумеется, теперь она уже не могла гордо именоваться Императорской. Вскоре учреждение получило название Российской государственная археологическая комиссия (РГАК), но во главе её по-прежнему стоял граф А.А. Бобринский, без изменений остался и весь штат сотрудников. В «Положении о Российской археологической комиссии», принятом на пленарном собрании 18 и 23 мая 1917 г., содержится совсем немного отличий от «Положения об Императорской археологической комиссии» 1859 г. [1917 г., д. 71; см.: Платонова, Мусин, 2009, с. 1067 сл.]. В § 3 этого документа, правда, подчёркивается, что в её управление входит не только Керченский музей древностей, но и Херсонесский, и «другие Музеи и склады древностей».

Ситуация военного времени, приближение немецкой армии к Петрограду требовали принятия необходимых мер, в частности связанных с возможной эвакуацией Археологической комиссии. В начале сентября 1917 г. к эвакуации в Москву были подготовлены два ящика с ценными золотыми и серебряными вещами, общий вес которых составлял 2 пуда и 20 фунтов [1917 г., д. 60, л. 4]. Сюда, естественно, входили находки из Керчи и Тамани. Впоследствии в список имущества комиссии, подлежащего вывозу, были включены архивные материалы и книги [там же, л. 23, 82].

Если февраль 1917 г. практически не затронул находящуюся в Петрограде Археологическую комиссию, то «на местах» ситуация для археологов была значительно сложней. Смута в стране нарастала, что самым непосредственным образом стало сказываться на состоянии охраны памятников, борьбе с их разграблением и т.д. В конце апреля 1917 г. В.В. Шкорпил писал в Археологическую комиссию, «что на Таманском полуострове *под влиянием последних событий* (выделено мною – Ю.В.) началось повсеместное раскапывание древних гробниц, с которым я, лишившись поддержки со стороны станичного атамана, не имею возможности бороться. Теперь я принуждён ограничиваться лишь зорким наблюдением за доставкой древних вещей из Тамани в Керчь и покупкою более

ценных предметов, которые бы иначе попали в заграничные музеи» [1917 г., д. 4, л. 4-5].

Недостаток средств приводил не только к ограничению масштабов археологических раскопок в Керчи и на Тамани, но и к проблемам со штатом сотрудников Керченского музея древностей. В связи с этим В.В. Шкорпил писал в Петроград в начале апреля 1917 г. [1917 г., д. 4, л. 22]:

«Сообщаю пока для сведения, что мне удалось уговорить сторожа Ивана Сикоева остаться на месте до выяснения вопроса об увеличении жалованья, и что я временно, до разыскания мужчины, назначил сторожем Музея Керченского мещанку Елизавету Литвинову. Афанасий Миколаевский оставил своё место и поступил в городскую милицию, где он будет получать 75 рублей в месяц. Когда найду подходящее лицо для замещения должности сторожа Музея, отправлю рапорт об этом на имя председателя Комиссии».

Несмотря на непростую и продолжающую усложняться ситуацию, В.В.Шкорпил не падал духом и даже старался проводить раскопки на некоторых памятниках. В частности, весной 1917 г. в степи под Керчью, между Вокзальным шоссе и садом Езерского, был случайно открыт древний некрополь. По этому поводу директор музея информировал Археологическую комиссию [1917 г., д. 4, л. 11-12]:

«Опасаясь, что оставшиеся в Керчи “счастливцы”, при теперешнем бездействии властей (выделено мною – Ю.В.), начнут расхищать это древнее кладбище римского времени, имею честь просить Археологическую Комиссию отпустить мне тысячу рублей на расследование упомянутого некрополя и на разведки, которые я намерен произвести летом этого года в некоторых местах на южном склоне Митридатовой горы».

Деньги на раскопки и разведки в количестве 1 200 руб. археологу были выделены [там же, л. 13].

Для понимания ситуации, в которой оказалась боспорская археология, весьма показательны события, разыгравшиеся тогда в Тамани вокруг знаменитого мраморного саркофага. В марте 1917 г. казаки Таманской станицы, участвовавшие в грабительских раскопках на Лысой горе (о них см. главу 5.4), написали письмо самому председателю Государственной Думы М.В. Родзянко [1916 г., д. 4, л. 81]. В нём они объясняли «гражданину председателю», что добывали в кургане камень и гробницу с мраморным саркофагом обнаружили случайно. Никаких драгоценностей при этом не было найдено, но тем не менее губернатор Кубанской области Бабич привлёк их к ответственности

и наложил наказание¹. Казаки просили затребовать саркофаг, представляющий большую редкость, в Археологическую комиссию и выдать им вознаграждение по цене, которая будет ею установлена. В заключение казаки просили, чтобы им были разрешены раскопки вблизи места, где был обнаружен саркофаг, поскольку там должен находиться ящик с драгоценностями, относящимися к погребению.

Это обращение было переправлено в Археологическую комиссию, из неё, в свою очередь, в Керчь В.В. Шкорпилу. К нему была сделана важная приписка, имеющая уникальный для археологической документации гриф «секретно». Приведу эту приписку полностью [1916 г., д. 4, л. 83]:

«Такое обращение вышеперечисленных лиц встревожило Императорскую Археологическую Комиссию, которая стала опасаться и за возможность благополучного вывоза его (саркофага – Ю.В.) из Таманской станицы. Поэтому Комиссия просит Вас сообщить, нельзя ли теперь же вывезти саркофаг в Керчь, чтобы обезопасить его от всяких насильственных случайностей и, если перевозка возможна, то куда именно вывозить саркофаг: прямо ли в Керчь (в Музей) или, быть может, удобнее в Керченской крепости?

Археологическая Комиссия будет Вам весьма признательна за возможно скорое сообщение ей Ваших соображений по настоящему делу».

В.В. Шкорпил с ответом не затянул, и в начале мая 1917 г. писал в Петроград [1916 г., д. 4, л. 85-86]:

«В ответ на запрос Археологической Комиссии от 27 апреля 1917 г. № 366 имею честь сообщить, что, по крайней мере, в настоящее время нет оснований тревожиться за целостность саркофага. Прежнее волнение возникло среди казаков, на мой взгляд, потому, что заведующий Кубанским музеем (И. Гладкий – Ю.В.) сообщил в частном письме своему агенту В. Соколову, будто Археологическая Комиссия разрешила увезти саркофаг в Екатеринодар, и просил высказать свои соображения относительно способа и мер, какими было бы удобнее доставить мраморный памятник в Кубанский музей. Этого и не хотят допустить находчики саркофага, не забывая наказания, наложенного на них по распоряжению Бабича, и зная, что в случае отправки саркофага в Екатеринодар, не получат никакого вознаграждения.

¹ Наказание на таманских казаков действительно было наложено весьма серьёзное. Станичный атаман Сурма получил строгое дисциплинарное взыскание. Казаки были лишены званий, некоторые некоторые из них имели (урядник, приказной), и привлечены к уголовной ответственности [Гладкий, 1916, с. 20-22].

Приблизительно через месяц после отправки прошения на имя Председателя Государственной Думы, произошёл в Тамани случай, сильно встревоживший меня и заставивший выехать в Тамань. 18-го апреля я получил от В. Соколова письмо, в котором он просит у меня разрешения открыть саркофаг для обозрения публики, так как опасность от морозов миновала, и ходят слухи, что его думают открыть другие. Когда я на другой день по получении этого письма прибыл в Тамань, я застал уже две стенки ящика-навеса снятыми, но саркофаг я нашёл невредимым, в том виде, в каком он был поставлен на теперешнем его месте, и крышку, остальные две стороны навеса и проволочную ограду нетронутыми. Сторож Вознесенской церкви, на которого возложена также охрана саркофага, стоящего перед окном сторожки, заявил, что в ограду церкви явилась толпа, которая при содействии милиции отвинтила доски, составляющие две стенки ящика для того, чтобы публика имела возможность осматривать саркофаг. Вскрывши ящик и передавши все доски сторожу, толпа мирно разошлась.

Для того, чтобы предупредить на будущее время порчу саркофага, необходимо, на мой взгляд, обещать гражданам станицы Таманской, подавшим прошение Председателю Государственной Думы, выдать вознаграждение за находку саркофага по доставлении его в Петроград, как предполагают сами просители, но при непременном условии, чтобы они взяли на себя полную ответственность за целость саркофага, пока он будет находиться в Тамани, и чтобы они участвовали, конечно, за особую плату, в доставке саркофага в Керчь. (Упаковка и отправка саркофага будет происходить под моим личным наблюдением и при содействии техника, который будет руководить поднятием и установкой тяжёлых ящиков, в которых будут упакованы отдельно нижняя часть саркофага и крышка его). Я уверен, что такое обещание Комиссии и надежда казаков на получение вознаграждения вполне обеспечат целость саркофага до тех пор, когда окончательно выяснится вопрос о будущем месте саркофага в Эрмитаже, когда прекратится неурядица на железных дорогах и явится первая возможность предоставить в моё распоряжение особый вагон для отправки столь изящного и ценного памятника в Петроград.

В заключение имею честь просить Археологическую Комиссию не разрешать таманским казакам производства раскопок на Лысой горе возле Тамани без надзора с моей стороны, а также вести всю переписку и переговоры с находчиками саркофага через меня, в виду недоверия и даже враждебного отношения, с каким казаки относятся к наказному атаману».

Дело, связанное с таманским саркофагом, на этом не завершилось, и 14 июня В.В. Шкорпил вынужден был вновь обратиться по этому вопросу в Археологическую комиссию [1916 г., д. 4, л. 88]:

«Имею честь уведомить Археологическую Комиссию, что 9-го сего июня ко мне явились, по моей просьбе, три депутата от имени 13 граждан станицы Таманской, подавших прошение Председателю Государственной Думы относительно вознаграждения за находку каменной гробницы в Лысой горе, и заявили, что они согласны заботиться о сохранности мраморного саркофага, пока он будет находиться в Тамани и принять участие в перевозке его в Керчь, когда это окажется возможным. Представители находчиков Андрей Деревенец, Михаил Корецкий и Андрей Моцира сообщили мне, что они и раньше наблюдали за целостью саркофага и что они позволили себе раскрыть ящик над ним лишь потому, что желали показать свою находку товарищам, приезжавшим с фронта, но что они просят снова закрыть ящик на зиму, чтобы саркофаг не пострадал от морозов. В заключении депутатия заявила, что лица, подавшие прошение, не думают теперь производить раскопки на Лысой горе, потому что им почти всем, по-видимому, придётся в скором времени уехать в армию, и что они по окончании войны беспрекословно подчинятся распоряжению Археологической Комиссии и будут копать на Лысой горе под моим надзором и руководством».

Революционная ситуация в стране, однако, развивалась столь быстро и трагично, что ни о каких раскопках на Лысой горе не могло быть и речи, В.В. Шкорпил был убит «счастливчиками», а мраморный саркофаг на долгие годы остался в Тамани, откуда был перевезён в Керчь только немецко-фашистскими оккупантами в июле 1943 г. [Пятышева, 1949, с. 6-7].

6.2. После октября 1917 г.

Несмотря на серьёзность произошедших в стране политических перемен, работа Российской государственной археологической комиссии продолжалась в обычном режиме, прежде всего в области изучения классических древностей Северного Причерноморья. Она была подчинена Археологическому отделу Коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Совете народных комиссаров, во главе которой стояла Н. Троцкая.

На одном из заседаний Археологической комиссии весной 1918 г. М.И. Ростовцев заявил, что она «в настоящее время является едва ли не единственным археологическим учреждением, продолжающим работу издания археологических трудов, и нуждается в усилении средств на это дело, в виду чрезвычайного повышения типографских расценок. Между прочим, было бы желательно организовать при Комиссии постоянный технический персонал служащих, в виде рисовальщиков и чертёжников» [1918 г., д. 1, л. 1]. Публиковать археологическую литературу, однако, становилось всё более и более трудно; последний том

«Отчётов Археологической комиссии» с информацией о раскопках 1913-1915 гг. вышел в 1918 г. В том же году увидел свет и последний, 66 выпуск «Известий Археологической комиссии».

Последний документ, затерявшийся в личном деле А.А. Бобринского, датирован 20 июля 1918 г. [1886 г., д. 8, л. 65]. Он гласит:

«В Административный Отдел Народного Комиссариата
Имущества России

Отъезжая сего числа по предложению Археологической комиссии в г. Керчь для ознакомления с настоящим положением подведомственного Комиссии Керченского музея древностей и в Киев, Севастополь, и село Парутино (Ольвия) Херсонской губернии для осмотра древних городищ, на которых Комиссия производит раскопки, я на время отсутствия своего из Петербурга передал заведование делами Комиссии старшему члену Комиссии А.А. Спицыну, о чём имею честь уведомить Административный Отдел Комиссии. Бобринский».

В Петроград из этой поездки А.А. Бобринский уже не вернулся. Ещё ранее, в июне 1918 г. советскую Россию навсегда покинул М.И. Ростовцев [см.: Зуев, 1997, с. 75; Тункина, 1997, с. 93; Бонгард-Левин, 1997, с. 124]. На руководящее положение в Археологической комиссии выдвинулся Н.Я. Марр, сыгравший очень крупную роль в развитии советской археологической науки [о нём см.: Миханкова, 1935; Платонова, 1998; Голубева, 2002; Алпатов, 2004; Медведева и др., 2009], но товарищем председателя оставался В.В. Латышев, а учёным-секретарём комиссии стал Б.В. Фармаковский [Ф. 2, 1919 г., д. 105, л. 2]. В отношении понимания перспектив развития Археологической комиссии в новых условиях чрезвычайно показательно высказывание Н.Я. Марра, которое он сделал на заседании Совета РГАК 27 мая 1919 г. Он считал, что «научная жизнь не стоит в связи с политическим устройством государства» [1919 г., д. 3, л. 18-19]. Время со всей очевидностью показало, что в этом вопросе учёный очень сильно заблуждался.

24 сентября 1918 г., уже в условиях начавшейся Гражданской войны, состоялись выборы Совета Археологической комиссии, в которую единогласно (11 голосов «за») был избран М.И. Ростовцев; А.А. Бертье-Делагард, С.А. Жебелёв, М.В. Фармаковский получили по одному голосу против, Э.Р. фон Штерн – два голоса против. Тогда же было высказано предложение о желательности избрания в члены Комиссии В.В. Бартольда, А.А. Миллера, Б.А. Тураева и др. [1918 г., д. 1, л. 13].

К тому времени в составе Комиссии уже был создан Отдел древностей античных и древнехристианских, который состоял из секции искусства в древнегреческих городах, секции древностей Скифии, секции эпиграфики и секции

древностей эпохи переселения народов и Византии. Б.В. Фармаковский предлагал включить в Отдел в качестве члена комиссии А.А. Васильева (по секции древностей эпохи переселения и Византии), а в качестве ассистентов – Н.А. Энман (по секции искусства в древнегреческих городах) и С.Д. Рудневу (по секции древностей эпохи переселения и Византии). На должности регистраторов он предлагал К.В. Тревер и Е.О. Прушевскую [1918 г., д. 1, л. 14]. В декабре 1918 г. Б.В. Фармаковский был избран на должность заведующего Отделом древностей античных и древнехристианских, тогда же ассистентом Отдела по секции древностей Скифии стал С.С. Лукьянов [1918 г., д. 20, л. 113-114].

На первом официальном собрании Отдела, состоявшемся 20 ноября 1918 г., Б.В. Фармаковский поблагодарил сотрудников за самоотверженный труд, поскольку те часто даже не получали жалованья и работали «единственно из любви к делу и сознания его важности». Он также выразил надежду, что все сотрудники продолжат свою энергичную работу по выполнению программы, выработанной в связи с проектом сметы [1918 г., д. 36, л. 1]. Об этой программе см. ниже.

В дальнейшем перед Отделом была поставлена задача подготовки и издания краткого исторического очерка деятельности Археологической комиссии с 1859 по 1915 г. [1918 г., д. 36, л. 3]. Большое внимание было уделено также чтению популярных лекций, для чего предполагалось выделить один из залов Дворца Искусств (так тогда назывался Эрмитаж). Лекции, как считалось, следовало начать с января 1919 г. Б.В. Фармаковский должен был рассказать об Ольвии, Н.А. Энман – о Березани. Темы двух лекций С.А. Жебелёва были определены следующим образом – «Археология и её задачи» и «Археологические учреждения». В последнем случае предполагалось ознакомить слушателей «с постановкой дела археологии в заграничных образцовых учреждениях» [1918 г., д. 36, л. 5]. Кроме популярных лекций, предполагалось также устройство выставок научных материалов.

На заседании 18 декабря 1918 г. был поставлен вопрос о замещении должности члена Комиссии по секции древностей Скифии. На эту должность намечался М.И. Ростовцев, но он «по обстоятельствам времени» не мог «вернуться в Петроград скоро». Ситуация была опасной по той причине, что в руководящих сферах могло сложиться впечатление, что эта должность создана для конкретного человека, что она не является необходимой, а значит, может быть сокращена. С.А. Жебелёв предложил вынести этот вопрос на обсуждение Совета Комиссии [1918 г., д. 36, л. 5-6]².

Ещё раз имя М.И. Ростовцева всплыло на заседании Отдела 19 февраля 1919 г. На этом заседании А.К. Марков сделал доклад о состоянии работы по подготовке первого тома «Сборника античных монет Южной России», над которым он трудился совместно с М.И. Ростовцевым. По предложению послед-

² 27 февраля 1919 г. на должность члена Комиссии по секции древностей Скифии был избран С.С. Лукьянов [1919 г., д. 3, л. 6].

него в первую очередь был подготовлен к печати раздел о монетах Боспора Киммерийского, для которого уже были изготовлены 42 фотографические таблицы. Дело издания, однако, остановилось в связи с национализацией типографии. А.К. Марков признал дальнейшую работу над «Сборником» в отсутствии М.И. Ростовцева невозможной. Античный отдел выразил докладчику благодарность за проделанную работу, а также постановил приостановить печатание данной книги до возвращения соавтора [1919 г., д. 96, л. 5]. М.И. Ростовцев, как известно, в Советскую Россию не вернулся, и, соответственно, очень ценное нумизматическое исследование так и не было опубликовано.

Для издания третьего тома надписей Понта Евксинского предлагалось избрать ассистентом Е.М. Придика [1918 г., д. 36, л. 6]. Обсуждая список книг, которые необходимо было издать в недалёкой перспективе, С.А. Жебелёв указал, что «желательно, прежде всего, издание самостоятельных трудов русских учёных, во избежание наводнения книжного рынка переводной литературой». В.В. Латышев обратил внимание на необходимость создания общего руководства по археологии и истории искусств [там же, л. 6]. Оценивая все приведённые факты, можно признать, что по условиям военного времени деятельность Отдела древностей античных осуществлялась тогда вполне удовлетворительно.

А вот ситуация в Керчи к тому времени стала чрезвычайно сложной. Выше кратко уже говорилось (см. главу 5.3), что в марте 1918 г. В.В. Шкорпилу со стороны Керченского революционного трибунала был предъявлен иск, который мотивировался некими финансовыми нарушениями во время открытия склепов на Госпитальной улице в 1904 г., когда торговцу древностями И.А. Терлецкому была выплачена немалая сумма денег [1904 г., д. 6, л. 133]. Странно, но трибунал интересовало, сколько именно денег получил И.А. Терлецкий. Иск, конечно, был подан «счастливчиками», не забывшими «обид», нанесённых им В.В. Шкорпилом во время открытия склепов на Госпитальной улице, а также и в других подобных ситуациях [Боровкова, 1999, с. 143]. Документы, направленные в Керчь из Археологической комиссии, надо думать, рассеяли все подозрения, и В.В. Шкорпил сумел защитить своё честное имя от необоснованных обвинений.

Осенью 1918 г. ситуация стала просто критической. В октябре В.В. Латышев докладывал Совету Комиссии о тяжелейшем положении, в котором оказался В.В. Шкорпил. Керченский археолог получал тогда всего 259 руб. 20 коп. в месяц, а выдача суточных прекратилась с 1 августа. В протоколе заседания Совета имеются некоторые цитаты из письма В.В. Шкорпила. Приведу их полностью [1918 г., д. 1, л. 15]:

«Я лично не имею права передать Музей Крымскому Краевому правительству и хлопотать перед ним об улучшении моей судьбы и моего положения. Поэтому прошу уладить этот вопрос, если это возможно».

«Боюсь, что Крымское правительство прекратит выдачу жалования, по крайней мере, мои бумаги, отправленные по этому поводу в Симферополь, не удостоились до сих пор ответа».

«Музей цел и невредим: и советская власть, и немцы относились до сих пор благосклонно к коллекциям Музея и к памятникам старины, находящимся в ведении Музея».

Директор Керченского музея В.В. Шкорпил погиб от рук грабителя 14/27 декабря 1918 г. [Марти, 1919, с. 144; 1926, с. 43]. Он стоял во главе этого учреждения 17 лет, и сделал для боспорской археологии очень и очень многое. Гибель этого замечательного археолога связана с местью «счастливчиков», с которыми он вёл непримиримую борьбу [Боровкова, 1999, с. 143; Лазенкова, 2002, с. 150; 2003, с. 52-53]³. Следует признать и то, что потеря столь опытного и преданного делу специалиста ещё более усугубила и без того тяжелейшую ситуацию, сложившуюся к концу 1918 г. в керченской археологии.

6.3. Записка Б.В. Фармаковского о деятельности Отдела древностей античных РГАК

На период с 1 июля 1918 г. по 1 января 1919 г. все отделы Российской государственной археологической комиссии должны были составить сметы планируемых финансовых расходов, снабдив их записками о научной деятельности подразделений, а также о задачах на будущее. Относительно работы Отдела древностей античных соответствующую записку составил Б.В. Фармаковский. Основной упор в ней сделан, естественно, на изучении Ольвии, но, тем не менее, приведу её почти полностью [1918 г., д. 20, л. 62-64]:

«В почве России сохранилось чрезвычайно много остатков культуры древнегреческой, римской и эпохи от начала нашей эры до появления славян. Многие из этих остатков представляют первоклассные произведения искусства. Многие являются весьма ценными по составу своего материала (многочисленные предметы из золота). В России находятся чрезвычайно живописные руины имевших большое значение городов и поселений.

³ В отчёте о деятельности Керченского музея в 1918-1921 гг., направленном в РАИМК, К.Э. Гриневич писал: «Мне пришлось натолкнуться на факты противозаконного кладоискательства, причём привлечённые мною к ответственности "счастливцы" угрожали расправиться со мною, как с моим предшественником» [Ф. 2, 1921 г., д. 70, л. 16]. К своему машинописному отчёту он даже сделал приписку: «Очень остро стоит вопрос с вооружением. По характеру службы карманное огнестрельное оружие обязаны иметь сторожа Музея, надсмотрщики и заведующий» [там же, л. 17]. В связи с этим необходимо напомнить, что оружия для археологов первыми стали просить К.Е. Думберг и В.В. Шкорпил (см. главу 5.1).

Крайне интересны и сохранившиеся древние монументальные гробницы, которые своей архитектурою поражают всех наблюдателей. Россия представляет единственный в мире ансамбль древних античных расписных склепов (в Керчи). Произведения античной художественной промышленности украшают в громадной массе витрины наших важнейших музеев. Все это добыто было в древних могилах. Какой высокий художественный и научный интерес представляют античные памятники, извлечённые из гробниц, обнаруженных в почве России, наглядно показывают и объёмистые томы ... вышедших в свет изданий Археологической Комиссии, снискавших себе известность в учёном мире. Не менее важны найденные в России в огромном количестве древнегреческие и латинские надписи, которые с поразительной наглядностью рисуют нам всю культурную и социальную жизнь в древних городах, находившихся на почве России. Найденные в России античные монеты также преисполнены глубокого интереса. Многие из них высокой художественной работы, и все они дают ценный материал для истории нашей страны в древнейшие времена.

Сказанного достаточно, чтобы видеть, как настоятельно нужна надлежащая постановка дела археологического исследования античных памятников в России и каких важных результатов от неё можно ожидать. Задачи огромны, а выполнить их, можно сказать, до сих пор только более или менее намечалось. Отдел древностей античных, конечно, прежде всего, должен нести (так в документе – Ю.В.) *археологические раскопки*, которые ведутся уже с 1859 года. По обстоятельствам времени, однако, теперь приходится пока ограничиться мерами *охраны открытых раскопками Комиссии развалин древних городов в Керчи, Херсонесе и Ольвии*. В названных местах необходимо сохранить имеющийся штат служащих, занятых охраною древних городов, древних гробниц, а также инвентаря и музеев. Состав и ставки по Керченскому музею древностей определяются в представляемой смете по нормам, установленным Комиссионатом Имущества России (§ 3, ст. 4, лит. А).

В сумму, испрашиваемую на раскопки Херсонеса (12 630 руб.) входит содержание личного состава (10 230 руб.) по ставкам, установленным Комиссионатом Имущества Республики, и на необходимые хозяйствственные расходы по неотложным раскопкам, ремонтам построек, инвентаря и т.п., по расчету по 200 рублей в месяц (§ 3, ст. 4, лит. Б).

Сумма на раскопки в Ольвии (§ 3, ст. 4, лит. Б) в 5 820 р. слагается из содержания личного состава (4 620 р.), установленного Комиссионатом Имущества Республики, и неотложных расходов по 100 руб. в месяц.

Многочисленные рассеянные на большом пространстве памятники античной культуры до сих пор не были даже зарегистрированы. Для науки крайне важно провести сохранившиеся памятники в известность

и составить их описание, сфотографировать, зачертить и зарисовать. Необходимо зарегистрировать и развалины античных поселений (городищ) и древние могилы (курганы), рассыпанные по степям.

Прежде всего, в ближайшее же время желательно было бы составить подробную карту всех имеющихся курганов. На эту работу надо было бы 3 000 рублей. Далее желательно произвести съёмку скифских городищ, что потребует 5 000 р. Подготовка *Сборника с описанием курганов*, которые необходимо сделать в дополнение к карте курганов, потребует 3 000 рублей. *Необходима съёмка с руин мелких греческих поселений*. На всё надо было бы 5 000 руб.

Раскопками, производившимися долгие годы, к настоящему времени собран уже колоссальный материал, властно призывающий исследователей к его обработке. Настоятельно необходимы работы по подготовке к изданию материала, добывшегося раскопками 1901–1915 года в Ольвии; весь материал в настоящее время находится в Петрограде, в помещении Археологической Комиссии. Необходимость издания этого материала очевидна.

До сих пор работы по подготовке издания древностей Ольвии шли очень медленно, так как Комиссия могла приглашать для ведения регистрационных работ лиц по вольному найму с очень скромным вознаграждением по 35 рублей в месяц. Научная обработка материала до сих пор лежала только на члене Комиссии Б.В. Фармаковском. ... Теперь настоятельно необходимо издание общего сводного труда по Ольвии, без чего многолетние исследования, на которые были сделаны большие затраты, остались бы незавершёнными, а сделанные ранее расходы непроизводительными.

Число предметов, добытых раскопками в Ольвии, доходит до 40 000. С большей части этих предметов должны быть даны рисунки и чертежи, так как эти предметы представляют новый материал для науки.

На чертежи и рисунки по подготовке издания древностей Ольвии надо положить до 10 000 рублей.

В настоящее время, пока невозможны археологические исследования на местах (из-за обстоятельств времени), важно сосредоточить всё внимание на издательской деятельности. Предположено в ближайшее же время приступить к *подготовке издания атласа южно-русских древностей* Древностям Скифии посвящают две публикации (*древности из окрестностей Оренбурга и из Келермеса* ...). Древним античным монетам посвящается труд М.И. Ростовцева Ряд мелких работ по древностям Скифии, Боспора и Ольвии будет напечатано в очередных выпусках «Известий Российской Государственной Археологической Комиссии». Начатый печатанием труд М.И. Ростовцева «*Исследования по истории Скифии и*

Боспора» ... преследует идею популяризации знаний по древностям нашего юга.

С целью популяризации знаний отдел предполагает в текущем году организовать практические занятия по предметам древности, находящимся в Археологической Комиссии, с интересующимися молодыми учёными и любителями древности».

Надо признать, что записка Б.В. Фармаковского не отличается особой грандиозностью замыслов. Значительно более масштабные сочинения были предложены в плане развития изучения древностей Востока. Новым властям эти перспективы как будто представлялись более важными. Вместе с тем, приведённый документ оставляет немало недоумённых вопросов. Ясно, что в сложившейся тогда политической ситуации Б.В. Фармаковский вполне осознавал невозможность проведения раскопок на юге России, но, вместе с тем, просил средства на возобновление исследований в Ольвии и Херсонесе. Непонятно также, как можно было провести работы по составлению карты курганов или съёмки планов городищ, поскольку в условиях войны любая из противостоящих сторон приняла бы учёных, составляющих эти карты или снимающих планы, за шпионов со всеми вытекающими из этого последствиями. В тексте записи упоминается Керчь и Керченский музей, но в нём не обозначено даже скромных намерений в отношении продолжения археологических исследований в этом районе.

6.4. 1919 год

Гражданская война продолжалась, и на сотрудников Археологической комиссии в полной мере обрушились все её тяготы и лишения. Мужчины, родившиеся в 1899 г., тогда призывались на всеобщее военное обучение, для чего должны были явиться по адресу: ул. Халтурина (ныне Миллионная), д. 33, в казарму быв. Преображенского полка [1919 г., д. 19, л. 1]. Н.Я. Марр в связи с этим обращался в Особую столичную комиссию по отсрочкам при Комиссариате по военным делам, пытаясь добиться освобождения от военной службы для своих сотрудников [там же, л. 9 сл.]. Население Петрограда активно привлекалось к трудовой повинности, связанной с заготовками дров и т.п. В связи с этим Н.Я. Марр опять же неоднократно просил соответствующие советские органы об освобождении сотрудников Археологической комиссии от таких работ, что отнюдь не всегда имело положительный результат [1919 г., д. 18, л. 13-16]. Тяжёлая продовольственная ситуация заставляла искать пути к спасению, которые раньше могли показаться абсолютно фантастическими. В 1919 г. был составлен список служащих РГАК, «желающих присоединиться к организации, посыпаемой за продуктами (к продотряду? – Ю.В.) в Тамбовскую губернию» [1919 г., д. 14, л. 1]. Во главе списка из 43

Глава VI

фамилий стояли Н.Я. Марр, В.В. Латышев, Б.В. Фармаковский, А.А. Миллер и А.А. Васильев.

Этот год в истории Археологической комиссии прошёл под знаком грядущей реорганизации, а также в попытках восстановления связи с учреждениями в Керчи и Севастополе. На заседании Совета Комиссии 27 февраля 1919 г. Н.Я. Марр сделал сообщение о возможности создания Академии археологии (её порой также называли Академией археологических знаний) и объединения библиотеки Комиссии, Эрмитажа и других учреждений для образования единой археологической библиотеки [1919 г., д. 3, л. 7, § 10].

На заседании 27 февраля было решено направить в Крым В.В. Шкорпила [там же, л. 7, § 9], сына погибшего директора Керченского музея [см.: Лазенкова, 2002, с. 151, прим. 9]. В архиве ИИМК РАН сохранился ряд любопытных документов, проливающих свет на организацию запланированной поездки. Прежде всего, это письмо Г.Е. Зиновьеву [1918 г., д. 4, л. 2]:

«Председателю Комитета Рабоче-Крестьянской обороны и
Исполнительного комитета Союза коммун Северной области
Г. Зиновьеву.

Смольный

Российская Государственная Археологическая Комиссия сведома и согласия народного комиссара по просвещению командирует гр. Владимира Владиславовича Шкорпил в Херсонес (близ Севастополя) и Керчь, Таврической об. по срочному делу, имеющему целью сохранение ценного имущества Республики.

Ввиду ответственного поручения государственного значения, Р.Г.А. Комиссия просит Вас выдать на имя гр. В.В. Шкорпил удостоверение за личной Вашей подписью с предложением учреждениям, организациям и отдельным ответственным работникам оказывать В. Шкорпил всяческое содействие как по пути следования в Керчь, так и к обратному беспрепятственному въезду его в Петроград».

Проект мандата для В.В. Шкорпила был подготовлен 18 февраля 1919 г., т.е. ещё до заседания Совета Археологической комиссии 27 февраля, на котором было принято решение о поездке [1918 г., д. 4, л. 7]:

«Предъявитель сего, гражданин инженер Владимир Владимирович
Шкорпил⁴, командируется Российской Государственной Археологической

⁴ Отчество Владимирович указано ошибочно; в других приведённых нами документах оно обозначено верно – Владиславович.

Комиссией в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления контакта с её учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая Комиссия не имеет никаких сведений. Ввиду крайней необходимости для Археологической Комиссии настоящей командировки, Российская Государственная Археологическая Комиссия обращается ко всем учреждениям и лицам, к которым гражданину В.В. Шкорпилу представилась бы надобность обратиться с соответствующими просьбами, не отказать ему в должном содействии по выполнению возложенного на него ею поручения.

Председатель Комиссии Н. Марр
Ученый секретарь Б. Фармаковский
Правитель Канцелярии Б. Миллер».

В Архиве ИИМК имеется и письмо комиссару народного просвещения А.В. Луначарскому, датированное 29 мая 1919 г. [1918 г., д. 4, л. 3]:

«Народному комиссару просвещения

В непосредственном ведении Российской Государственной Археологической Комиссии состоят раскопки и музеи древностей в Херсонесе и Керчи. В этих двух городах при музеях хранится и большое количество имущества, состоящего, м. проч., из инвентаря раскопок (инструментов, вагонеток, рельс, палаток, фотографических аппаратов и т.п.).

В силу обстоятельств переживаемого времени Комиссия не имела возможности сношения с названными своими учреждениями в Крыму в течение более полутора лет. Восстановление сношений с Крымом ныне возлагает на Комиссию долг принять меры к охране её ценного имущества в Херсонесе и Керчи, для чего представляется необходимым теперь же командировать в Крым лицо, которое, ознакомившись на местах с положением дел, могло бы немедленно приступить к осуществлению неотложных мер по охране раскопок, музеев и имуществ в названных местах.

Предполагая командировать в Крым для указанной цели инженера Владиславовича Шкорпила, Российская Государственная Археологическая Комиссия имеет честь обратиться к Вам, гражданин комиссар, с покорнейшей просьбой не отказать в исходатайствовании для командируемого В.В. Шкорпила в виду исключительности обстоятельств переживаемого времени, для более успешного выполнения возлагаемого на

Глава VI

него поручения особого удостоверения за подпись председателя Комитета Рабоче-Крестьянского Совета товарища Зиновьева. Проект такого удостоверения при сём прилагается.

Председатель Комиссии Н. Марр

Ученый секретарь Б. Фармаковский».

Еще раньше, 5 марта 1919 г., А.В. Луначарский обратился с письмом к комиссару по иностранным делам Г.В. Чicherину [1918 г., д. 4, л. 4]:

«Комиссару по иностранным делам

Российская Государственная Археологическая Комиссия командирует гражданина инженера Владиславовича Шкорпил в Севастополь и Керчь, Таврической губернии, для установления связи с её учреждениями (музеями) и состоящими при них служащими в Керчи и в Херсонесе (близ Севастополя), о которых уже около года Археологическая Комиссия не имеет никаких сведений, для сообщения им устава и штата реорганизованной Комиссии, а также плана её научных предприятий (раскопок и археологических разведок, фотографирования, зарисовывания и описания памятников древности и издания учёных трудов) в текущем году.

В виду крайней необходимости для Археологической Комиссии настоящей командировки прошу не отказать в распоряжении о беспрепятственном пропуске В.В. Шкорпил к выезду в Таврическую губ. и к обратному въезду в Петроград.

Народный комиссар по просвещению А. Луначарский».

В архиве сохранилась даже справка о запланированных расходах на поездку [1918 г., д. 4, л. 7]:

«Назначенная инженеру В.В. Шкорпилу под отчёт авансовая сумма в 3 000 рублей слагается из 1 500 рублей суточных (по 50 р. в сутки в течение одного месяца) и 1 500 рублей на расходы по поездке из Петрограда в Крым, по разъездам в Крыму и по исполнению поручения Археологической Комиссии по установлению связей её с её учреждениями в Керчи и Херсонесе.

Председатель хозяйственного комитета В. Латышев».

Приведённые документы дают основание утверждать, что руководители Российской археологической комиссии признавали чрезвычайно важным, не терпящим отлагательства делом восстановление связей с археологическими

учреждениями в Керчи и Севастополе. Более того, в первой половине 1919 г. эта акция рассматривалась ими как вполне возможная. Столь же очевидно, что в Крым направляли сына покойного директора Керченского музея древностей В.В. Шкорпила. Неясным остается одно: состоялась ли эта поездка или нет?

Несмотря на тяжёлые, явно не способствующие научным исследованиям условия, перед сотрудниками РГАК порой ставились чрезвычайно необычные задачи. Так, 11 апреля 1919 г. Н.Я. Марр информировал правление комиссии, что специальная экспедиция организуется «в Переднюю Азию, в местности наиболее пострадавшие от войны, для исследования наблюдаемого там передвижения народных масс, каковое явление представляет выдающийся исторический интерес, как пример передвижения племён и возникающих отсюда новых этнических образований». Средства на организацию такой экспедиции выделялись Комиссариатом народного просвещения и Комиссариатом по национальным армянским делам. Н.Я. Марр указывал на желательность использования такого выдающегося момента и участия в экспедиции сотрудников Археологической комиссии. Её отделы должны были выяснить возможности содействия в организации данного мероприятия [1919 г., д. 96, л. 20].

Декрет о создании Российской академии истории материальной культуры был принят на заседании Малого Совета Совнаркома 18 апреля 1919 г. [см.: Платонова, 1989; 2009, с. 1102-1103]. Н.Я. Марр на заседании Совета РГАК 15 июля заявил, что Академия «в настоящее время должна почитаться уже сформированной», и, соответственно, она должна приступить к принятию в своё ведение некоторых институтов, к организации помещений в предоставленном ей Мраморном дворце и т.д. [1919 г., д. 3, л. 26]. Избирательное собрание прошло 5-7 августа, по его итогам было официально заявлено, что «с этого числа (с 7 августа 1919 г. – Ю.В.) Академия Истории Материальной Культуры должна считаться окончательно сконструированной и фактически начавшей свою деятельность, Российская же Государственная Археологическая Комиссия с того же числа прекратила свои работы, перейдя в состояние ликвидации» [1919 г., д. 1, л. 63].

6.5. Некоторые итоги

Две революции 1917 г. и Гражданская война в России привели к огромным переменам в стране. Эти перемены самым непосредственным образом затронули и Императорскую археологическую комиссию. Завершение её функционирования вряд ли следует связывать с тем моментом, когда из названия ушло определение «Императорская». Нет, руководство Комиссии осталось прежним, и её работа осуществлялась по традиционным для этого учреждения направлениям. Эмиграция графа А.А. Бобринского и трагическая смерть директора Керченского музея В.В. Шкорпила стали важными вехами нового времени.

Ликвидация Российской государственной археологической комиссии и создание Российской академии истории материальной культуры являлись уже не простой сменой вывесок. Вся система изучения памятников древности тогда менялась, создавались новые структурные подразделения, определялись новые направления исследований и т.д. Российская археологическая наука вступала в новую эпоху, но положение Боспора в ней поначалу как-то затерялось, стало почти незаметным [см.: Виноградов, 2009б, с. 9 сл.]. Выше было сказано о принципиальной важности изучения взаимоотношений между Археологической комиссией и Керченским музеем, без чего нельзя составить правильного представления о развитии античной археологии в России. В этом отношении следует признать, что заложенные десятилетиями традиции оказались очень прочными, в подтверждение чего можно привести несколько документов, относящихся к более позднему времени.

Хорошо известно, что Красная армия сумела взять Крым в ноябре 1920 г. и Гражданская война здесь фактически была завершена. Однако жизнь стала входить в нормальное русло отнюдь не сразу, а в области боспорской археологии вообще возникла очень трудная, можно сказать, трагическая ситуация. В феврале 1922 г. К.Э. Гриневич направил руководству РАИМК письмо следующего содержания [Ф. 2, 1922 г., д. 59, л. 1]:

«С момента своего учреждения в 1859 г. и до самого периода Гражданской войны 1918 г. Археологическая комиссия в Петрограде имела в своём ведении основанный в 1823 г. Керченский музей древностей⁵, как важную в научном отношении местную археологическую станцию (см. Устав И. Археол. Комм.). По декрету Сов. Нар. Ком. об учреждении Р. Академии Ист. М. К. к ней перешли все дела и *все учреждения* б. Археологической комиссии (цитирую текстуально). Казалось бы, должен был перейти и Керченский музей древностей, однако на деле Музей всецело и исключительно подчинён местному Отделу народного образования. Это отражается на судьбе этого *научного учреждения*: местный Народный музей вмешивается, согласно сообщения директора музея Ю. Марти, во внутреннюю жизнь учреждения и снял с пайка всех надсмотрщиков археологического района, всех сторожей музея и служащих канцелярии, за исключением одного заведующего. Целый ряд полученных от них писем дышат отчаянием и мольбой о помощи. Сторож музея Антон Основский, прослуживший 28 лет, умер от голода, надсмотрщики Ив. Анищенко и Леонтий Демиденко, сторож древностей на горе Митридат Савелий Маслинов *опухли от голода* и ждут своей судьбы. Не лучше положение и остальных.

⁵ К.Э. Гриневич указал неверную дату основания Керченского музея древностей, он был открыт в 1826 г.

Академия истории матер. культуры, как преемница, согласно декрета Совнаркома, Археолог. Комиссии, не может и не должна оставаться пассивной к судьбе важного в научном отношении учреждения, связанного прямым образом с Академией. Настоящим прошу Академию поднять в центре вопрос о положении Керченского музея, выяснить всё значение этого учреждения (ведь он не только “Музей”) и обеспечить, вернее, спасти служащих этого музея. Необходимо сделать всё то в срочном порядке.

Пишу эти строки по просьбе заведующего и служащих Керч. Музея, помнящих свою связь с б. Археологической комиссией, преемницей которой является Академия».

В июне 1922 г. в РАИМК обратился директор Керченского музея Ю.Ю. Марти. В своём письме он информировал руководство Академии, что до мая музей получал 8 пайков на 11 человек, в результате чего четверо сотрудников умерли с голода, а ещё четверо пухнут с голода. После мая положение ещё больше ухудшилось, поскольку музею выделено всего 5 пайков. Приведу несколько цитат из этого письма [Ф. 2, 1922 г., д. 59, л. 3]:

«Обращаюсь, минуя все инстанции, непосредственно в Академию матер. культ. Прошу немедленной помощи. Положение вверенного мне музея древностей и всех его отделений катастрофическое. Если не будет оказано в самом непродолжительном времени самая широкая материальная помощь сотрудникам музея, то гибель всего археологического дела в Керчи неизбежна, и я слагаю с себя ответственность за могущие произойти последствия. ... Если люди вымрут, я новых сторожей на их место не найду. ... Во избежание вымирания наших сторожей (археологов-практиков, специалистов своего дела) прошу ходатайствовать о выдаче Охр. Ис-у полного числа паёв и аккуратной выплаты жалования».

Необходимо признать, что Академия истории материальной культуры в этой ситуации проявила себя как подлинная наследница Археологической комиссии, она не осталась пассивной к положению керченских коллег, в руководящие инстанции страны были направлены письма с просьбой о помощи. Очень хочется думать, что эти просьбы не остались не услышанными.